

Къ вопросу о значеніи Кіевской Академіи для православія и русской народности въ XVII—XVIII в.в.

(Можетъ ли Кіевская Академія быть признаваема „единственно только посредницею между западною и восточною культурою, не имѣвшею въ себѣ ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго“ на протяженіи времени ея существованія 1615—1800 гг.? По поводу статьи г. Яблоновскаго А. подъ заглавіемъ: „W sprawie „Akademii Kijowsko-Mohilan'skiej“, wydanej w 1900 r. „ad honorem quingentesimi anniversarii almae matris Jagellonicae“. См. Kwartalnik Historyczny. Rocznik XVI zeszyt 4 за 1902 г. we Lwowie)¹⁾.

Все, сказанное нами доселѣ, относится въ равной степени къ „исторіи Кіево-Могилянської Академіи“ г. Яблоновскаго А. и къ его отвѣту на нашу критико-библіографическую замѣтку о его книгѣ, ибо касается принципиальныхъ воззрѣній польскаго историка Кіевской Академіи, высказанныхъ имъ въ книгѣ и въ отвѣтѣ на предметъ, трактуемый нами. А теперь мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній собственно по поводу его отвѣта на нашу критико-библіографическую замѣтку, такъ какъ этотъ отвѣтъ заключаетъ въ себѣ многія такія сужденія, которыя служатъ частію разъясненіемъ, а частію дополненіемъ къ тому, что сказано нашимъ противникомъ въ книгѣ его. Свои замѣчанія мы будемъ дѣлать въ порядкѣ изложенія отвѣта г. Яблоновскаго, причемъ будемъ стараться быть возможно болѣе краткими, сознавая, что наша полемика и безъ того слишкомъ затянулась.

I. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ возраженій на нашу критико-библіографическую замѣтку г. Яблоновскій А. говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „мой противникъ, какъ это легко было и *предчувствовать* (курсивъ нашъ),

¹⁾ См. Труды Академіи 1903 г., ч. ноябрь.

выступает тутъ какъ поборникъ (szermierz) официально принятаго все-русскаго (wszech-ruskiego) взгляда, а съ точки зрѣнія современной—строго руссiйскаго. Вольно ему было занять такое положенiе, какъ кому-либо другому совершенно иное положенiе—болѣе узкое, или менѣе официальное, современное (новѣйшее). Изъ того же, что наши положенiя взаимно очень, очень различны, такъ какъ я строго держусь единственно только въ границахъ пропедшаго времени, не позволяя себѣ увлекаться никакими соблазнами (podszeptom) современности, или же какой-либо политики, а съ другой стороны, не пускаюсь въ истинно безразличныя пространства все-русскости (wszech-ruscosci), только случайно выходя за предѣлы „народа русскаго“ Рѣчи Посполитой,—изъ этого, по самому существу дѣла, должны были получиться и принципиально совершенно различные выводы“ (Kwartalnik.—стр. 549—550).

Есть у нашего народа русскаго мудрая пословица, гласящая: „что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить“. Эта пословица какъ нельзя болѣе приложима къ „положенiю“, какое занялъ г. Яблоновскiй А. въ рѣшенiи вопроса о значенiи Кiевской Академiи. Все то, чѣмъ онъ, видимо, боленъ и чѣмъ сильно заинтересованъ, то онъ, во-первыхъ, вносить въ свои разсужденiя о такомъ, чуждомъ всякой „политики“ и „современности“, предметъ, какъ исторiя Кiевской Академiи, и во-вторыхъ, напередъ „предчувствуетъ“ въ другомъ историкѣ, могущемъ позволить себѣ высказать иное, быть можетъ, противоположное сужденiе по тому же самому предмету. Польскiй историкъ Кiевской Академiи считаетъ насъ „защитникомъ официально принятаго теперь, т. н. всероссiйскаго взгляда на исторiю Кiевской Академiи“. Но мы позволяемъ себѣ здѣсь же спросить г. Яблоновскаго: гдѣ факты для такого его утвержденiя? Одно „предчувствiя“ здѣсь недостаточно; желательно, чтобы были указаны подлинныя выраженiя въ нашей критико-библиографической замѣткѣ на его книгу, гдѣ бы мы защищали „принятый официально всероссiйскiй взглядъ“. Ничего изъ этого. кромѣ

тахъ, взгляда на Кіевскую Академію, ся исторію и значеніе для русскаго народа, мы не признаемъ и не защищаемъ. Подлинная исторія и факты говорятъ, что Кіевская Академія была школа *православная*, школа *русская* по духу и внутреннему своему характеру, хотя и устроена она была по образцу не старо-русскихъ (братскихъ) школъ, а западно-европейскихъ. Сами основатели и устроители Кіевской Академіи *ясно и опредѣленно* говорятъ, что она была основана для того, чтобы служить оплотомъ и защитницею русской православной вѣры и русской народности въ борьбѣ съ латино-польскою пропагандой. Такъ же точно смотрятъ на Кіевскую Академію и всѣ русскіе ученые историки, о которыхъ никакъ нельзя сказать, чтобы они позволяли себѣ „увлекаться соблазнами современности, или какой-либо политики“. Какъ факты историческіе, на которыхъ мы основываемъ свой взглядъ на Кіевскую Академію въ ея прошломъ, такъ и сужденія русскихъ историковъ по данному вопросу, приведены нами выше и мы не повторяемъ ихъ здѣсь. Что же, спрашиваемъ, въ этомъ пониманіи идеи основанія и существованія Кіевской Академіи не-научнаго, не-историческаго, не-точного? II почему этотъ взглядъ необходимо называть „официально принятымъ“, тогда какъ онъ есть единственно правильный, истинно научный взглядъ, единственно возможный въ устахъ беспристрастныхъ, объективныхъ историковъ? Неужели для того только, чтобы этимъ дискредитировать его сразу въ умахъ польскихъ читателей? А съ другой стороны, почему этотъ взглядъ можетъ быть названъ „все-рускимъ“, или „строго руссійскимъ“? Въ высшей степени желательно было бы, чтобы польскій историкъ Кіевской Академіи указалъ выраженія въ нашей критико-библіографической замѣткѣ о его книгѣ, давшія ему право признать насъ „защитникомъ всерусскаго, строго руссійскаго“ взгляда на Кіевскую Академію. Въ нашей замѣткѣ даже совершенно отсутствуетъ выраженіе: „руссійскій“, равно какъ и противоположеніе его термину: „русскій“. Все это, очевидно, польскій историкъ Кіевской Академіи „предполагалъ“, когда читалъ нашъ отзывъ о

своей книгѣ. Не входимъ здѣсь въ подробную рѣчь о терминахъ „россійскій“ и „русскій“, такъ какъ къ этому скоро придется обратиться нарочито.

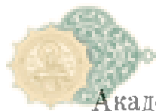
П. Г. Яблоновскій А. соглашается, какъ мы и раньше уже имѣли случай упоминать, съ нашимъ признаніемъ его работы одностороннею. Но вотъ какъ онъ самъ понимаетъ эту односторонность. „Когда мнѣ пришло на умъ принять на себя задачу исполненія данной работы“ (т. е. исторіи Кіевской Академіи), говоритъ онъ, „то я совершенно не имѣлъ въ виду излагать полную и цѣлую исторію этого ученаго учрежденія; я имѣлъ въ виду дать единственно только „идейный“ въ собственномъ смыслѣ этого слова „историческій очеркъ“ и даже болѣе того: исключительно „на фонѣ общаго развитія западной цивилизаціи на Руси. Посему работа моя въ самомъ основаніи своемъ должна быть одностороннею“ (См. Kwartalnik .. стр. 550). Въ дальнѣйшемъ поясненіи своихъ послѣднихъ словъ г. Яблоновскій А. говоритъ, что ему „не было никакой необходимости пересматривать и знакомиться съ новѣйшими спеціальными произведеніями кіевскихъ ученыхъ, на которыя мы указали ему, равно какъ и изучать относящійся къ предмету изслѣдованія рукописный матеріалъ въ доступныхъ для всѣхъ Московскихъ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи; еще болѣе способно и удобно ему было бы поискать въ своихъ собственныхъ (т. е. польскихъ) архивныхъ собраніяхъ, которыя могутъ хранить въ себѣ не менѣе цѣнный рукописный матеріалъ; „но“,—заключаетъ онъ,—„я даже и не пробовалъ этого, принявши за принципъ, во избѣжаніе случайныхъ упрековъ, опираться прежде всего на источникахъ *русскихъ* и *россійскихъ*“ (курсивъ нашъ; см. Kwartalnik... стр. 551).

Совершенно соглашаемся съ г. Яблоновскимъ А. въ томъ, что самый вѣрный и надежный путь для избѣжанія односторонности и, слѣдовательно, упрековъ въ ней заключается

въ томъ, чтобы строго слѣдовать источникамъ и фактамъ. Но мы рѣшительно не можемъ понять того, почему польскій историкъ Кіевской Академіи въ своемъ „идейномъ историческомъ очеркѣ“ Кіевской Академіи долженъ былъ „опираться прежде всего, на источникахъ русскихъ и російскихъ“. Прежде всего, страннымъ для насъ звучить разграниченіе между „русскими“ и „россійскими“ источниками для „идейнаго историческаго очерка“ Кіевской Академіи. Мы увѣрены въ томъ, что многіе изъ нашихъ читателей, непосвященныхъ въ дѣло, совсѣмъ даже и не поймутъ этого рѣзкаго разграниченія между „русскими“ и „россійскими“ источниками для исторіи Кіевской Академіи. Впрочемъ, въ утѣшеніе имъ можемъ замѣтить здѣсь, что скоро это обстоятельство совершенно разъяснится для нихъ... Затѣмъ, непонятно, почему историкъ Кіевской Академіи долженъ пользоваться „исключительно“ (какъ это дѣлаетъ, напр., г. Яблоновскій А.) русскими источниками. Разъ мы имѣемъ подлинный „источникъ“ для исторіи Кіевской Академіи, то онъ долженъ быть для насъ одинаково дорогъ, будетъ ли то русскій, или польскій, или еще какой-либо другой источникъ. Различіе между источниками и важность ихъ устанавливается на основаніи ихъ подлинности и внутренней значимости, а вовсе не на основаніи ихъ происхожденія. Но не въ этомъ дѣло. Примемъ за совершившійся фактъ, что г. Яблоновскій А. свой „идейный историческій очеркъ“ Кіевской Академіи написалъ на основаніи исключительно „русскихъ“ и „россійскихъ“ источниковъ, какъ онъ выражается. Намъ извѣстна уже основная идея его „историческаго очерка“ Кіевской Академіи. Даже при тѣхъ ея ограниченіяхъ, какія онъ дѣлаетъ въ своемъ отвѣтѣ на нашу критико-библіографическую замѣтку о его трудѣ, она можетъ быть выражена только такъ: „Кіевская Академія была единственно только посредницею между западною и восточною культурою въ Западной Руси; сама же въ себѣ она не имѣла ничего самостоятель-

наго, ничего оригинальнаго, а въ отношеніи къ „русской“ народности все значеніе ея сводится къ тому, что она поддерживала различіе, „отдѣльность“, самостоятельность „русской“ народности въ отношеніи къ „россійской“ „народности“, т. е. другими словами, южно-русскій сепаратизмъ. Такъ понимаетъ польскій историкъ Киевской Академіи идею основанія и существованія этой послѣдней и притомъ—что самое главное—на основаніи русскихъ же источниковъ. Мы теперь и позволяемъ себѣ спросить г. Яблоновскаго: гдѣ же, въ какихъ именно русскихъ источникахъ онъ нашелъ такое именно пониманіе идеи основанія и существованія Киевской Академіи? Выше мы приводили подлинныя слова основателей Киевской Академіи (въ видѣ братской школы)—Кіево-богоявленскихъ братчиковъ и ея настоящаго организатора и преобразователя—митроп. Петра Могилы, въ которыхъ они прямо, совершенно недвусмысленно, ясно и рѣшительно опредѣляютъ цѣль основанія и задачи будущей дѣятельности Кіево-Могилянської Коллегіи-Академіи. Слышали мы изъ устъ одного ученика, потомъ учителя и, наконецъ, ректора Кіево-Могилянської Коллегіи-Академіи—Лазаря Барановича, какъ онъ, а слѣдовательно, можно думать, и другіе питомцы и руководители Киевской Академіи XVIII в. понимали свое отношеніе къ латино-польской культурѣ. Наконецъ, видѣли мы и то, какъ лучшіе ученые историки—и старые и новыя—Киевской Академіи понимали и понимаютъ идею основанія и существованія Киевской Академіи. Киевская Академія, по этимъ русскимъ источникамъ, была основана и существовала для того, чтобы, при помощи и посредствомъ научнаго образованія, охранять и защищать русскую (православную) вѣру и русскую народность противъ латино-польской пропаганды.

Какъ же, спроситъ читатель, получилось такое рѣзкое, крайнее, „абсолютное“ противорѣчіе между тѣмъ, чѣмъ заключаютъ въ себѣ „русскіе“ источники для исторіи Киевской Академіи, и выводомъ польскаго историка Киевской

Академіи, поставившаго себѣ „за принципъ“ опираться прежде всего на русскихъ и російскихъ источникахъ“?

Дѣло объясняется очень просто. У польскаго историка Кіевской Академіи нѣтъ собственно фактовъ, „источниковъ“ и основанныхъ на нихъ выводовъ, а есть предвзятая, напередъ составленная и принятая за несомнѣнно вѣрную идея и подогнанные подъ эту идею факты, „источники“. Что, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ его „идейный историческій очеркъ“ исторіи Кіевской Академіи по своему содержанію? Сначала авторъ рисуетъ общую картину религіозно-нравственнаго и умственнаго состоянія Западной Руси въ XVI в. Западная Русь находилась тогда, по его словамъ, въ состояніи совершеннаго разложенія. Это разложеніе, начавшись зтъ внутреннихъ условій, развивалось далѣе подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ. Православіе въ Западной Руси тогда было близко къ совершенному упадку. Оно совершенно изнемогало въ непосильной для него борьбѣ съ католицизмомъ и протестантствомъ. Іерархія православная была деморализована, низшее духовенство было невѣжественно, народъ, хотя и крѣпко стоялъ на сторонѣ православнаго обряда и традиціи, но въ то же самое время былъ погруженъ въ состояніе совершеннаго одеревенѣнія и мертвенности, изъ котораго былъ одинъ только выходъ—вымытравіе. Правда, въ концѣ XVI в. въ Западной Руси замѣчается религіозное и умственное пробужденіе, бывшее, по мнѣнію г. Яблоновскаго А., отголоскомъ общаго реформаціоннаго движенія, которое происходило тогда на Западѣ Европы. Русскіе православные, казалось, поняли тогда ту великую опасность, какая грозила ихъ вѣрѣ, народности, языку и вообще культурѣ. Явилось сознаніе народнаго патріотизма, необходимости школы и вообще просвѣщенія для защиты своей вѣры и народности. Но эта вспышка народнаго энтузіазма прошла совершенно безслѣдно. Пробудившееся движеніе въ остаткахъ старо-русской культуры не нашло элементовъ и средствъ, на основѣ кото-

Труды Кіевск. дух. Акад. Т. I. 1904 г.

рыхъ оно могло бы развиваться. Т. н. русскій языкъ, употреблявшійся тогда въ Западной Руси, представлялъ не что иное, какъ „польско-русскую амальгаму“, „амальгаму живыхъ нарѣчій Руси, возникшую на основѣ церковно-славянщины и совершенно преобразовавшуюся подъ вліяніемъ польщизны“. Такой языкъ, по мнѣнію г. Яблоновскаго А., оказался и неспособнымъ къ развитію и недостаточнымъ для удовлетворенія вновь сознаннымъ потребностямъ не только публичной, но даже и частной жизни. Само собою разумѣется, что такое религіозно-нравственное и умственное состояніе русскаго общества и такой характеръ русскаго языка открывали настежь двери для вліянія польско-латинской культуры на Русь. Однимъ изъ очаговъ этого культурнаго вліянія Польши на Русь служила, между прочимъ, Кіевская Академія, которая была единственно только посредницею между западною и восточною культурою.

Нарисовавъ такую общую картину религіозно-нравственнаго и умственнаго состоянія Западной Руси, польскій историкъ Кіевской Академіи затѣмъ (въ 3—8 главахъ своего сочиненія) на „фонѣ этой картины общаго развитія западной цивилизаціи на Руси“ излагаетъ исторію Кіево-Могилянської Академіи. Такъ именно, а не иначе создалось сочиненіе г. Яблоновскаго А. подъ заглавіемъ: „Akademia Kijowsko-Mohilan'ska. Zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi“. Объ этомъ говоритъ намъ самъ авторъ этого сочиненія, когда пишетъ, что онъ съ самаго начала составленія своей работы не думалъ о всестороннемъ разсмотрѣніи избраннаго предмета, а заботился единственно только о томъ, чтобы дать собственно идейный очеркъ и притомъ исключительно на фонѣ общаго развитія западной цивилизаціи на Руси, что онъ и не мечталъ о всестороннемъ пониманіи (ogarnięciu) предмета, что, наконецъ, онъ и не думалъ гоняться за открытіемъ новыхъ неизвѣстныхъ источниковъ, а полагалъ достаточнымъ для сво-

ей цѣли „розысканіе и изученіе надлежаще доступныхъ источниковъ, чтобы потомъ *собранные факты освѣтить съ своей точки зрѣнія, чтобы показать ихъ въ связи съ общимъ развитіемъ культуры своего народа и всей Рѣчи Посполитой*“ („wcale nie moją rzeczą było“—говорится въ оригиналѣ,—„upędzać się za wykrywaniem nowych nieznanыхъ źródeł; w myśl zasadniczego założenia wystarczyło poznanie i wyzyskanie należyte dostępnych źródeł, by potem zestawione fakty odnos'ne os'wietlic' z naszego stanowiska, oraz okazać je w związku z pochodem wspólnym kultury naszego narodu i całej Rzpltej“ (См. Kwartalnik... стр. 550 ср. Akademia Kijowsko-Mohilan'ska... стр. 3). Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность, на основаніи собственныхъ словъ польскаго историка Киевской Академіи, возстановить дѣйствительный процессъ его работы. Онъ работалъ совершенно не такъ, какъ работаютъ точные, истинные, любящіе и дорожащіе выше всего правдою историки, которые сначала собираютъ всѣ доступные факты, относящіеся къ предмету изслѣдованія, критически провѣряютъ ихъ, самымъ тщательнымъ образомъ изучаютъ ихъ и затѣмъ уже, на основаніи этихъ провѣренныхъ и самостоятельно изученныхъ фактовъ, дѣлаютъ выводы; а г. Яблоновскій А., какъ онъ и самъ сознается въ этомъ, беретъ готовые уже факты у русскихъ историковъ затѣмъ, чтобы „освѣтить ихъ съ своей точки зрѣнія, чтобы показать ихъ въ связи съ общимъ ходомъ культуры своего народа и цѣлой Рѣчи Посполитой“. Неудивительно, если у него получилось такое разногласіе между основною идеею и фактами, источниками. Неудивительно, если онъ устанавливаетъ совершенно иную точку зрѣнія на Кіевскую Академію, ея исторію, значеніе для русскаго народа и задачи ея дѣятельности, чѣмъ какая находится у русскихъ историковъ, какими онъ „прежде всего“ и „исключительно“, будто бы, пользовался. Неудивительно, поэтому, наконецъ, и то, что въ сочиненіи г. Яблоновскаго

отсутствует генетическая связь между основной идеею и фактами, на которыхъ она, повидимому, основана: идея—сама по себѣ, а факты—сами по себѣ. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы позволили и теперь позволяемъ себѣ назвать сочиненіе г. Яблоновскаго А. „одностороннимъ“ и „тенденціознымъ“. На этомъ основаніи мы не общали и теперь не общаемъ ему долговѣчнаго существованія и значенія въ строго научной литературѣ своего предмета. Сочиненіе его представляетъ и будетъ представлять большой интересъ только въ одномъ отношеніи: какъ образецъ ловкой подтасовки историческихъ фактовъ подъ излюбленную идею и искусственного „освѣщенія“ ихъ съ точки зрѣнія этой идеи.

III. Переходя къ разбору нашей характеристики основной идеи своего сочиненія, польскій историкъ Кіевской Академіи, какъ мы уже и раньше имѣли случай замѣчать, упрекаетъ насъ въ памфлетномъ усиленіи выраженій его, которыя не имѣютъ такого безусловнаго значенія, какое мы приписываемъ имъ. Онъ говоритъ именно слѣдующее: „дѣйствительно, есть и тотъ проблескъ (promień) идеи, проникающій всю мою работу; но все же тотъ проблескъ выступаетъ не такъ абсолютно, не такъ исключительно, какъ то усмотрѣлъ рецензентъ. Идея то есть, но вездѣ поставлена она только условно, только относительно, ни въ какомъ случаѣ не абсолютно. Я готовился (przygotowany byłem) на всякаго рода, обоюдоострые даже, упреки; поэтому, взвѣшивалъ каждое свое сужденіе, каждое свое слово. А рецензентъ, какъ вижу, не всегда считается съ этимъ. Такъ уже и въ этомъ случаѣ, забывая, что „litera docet, litera nocet“, вырываетъ изъ параграфа (на стр. 2), въ которомъ дана общая характеристика могилянскіей академіи, заключающее этотъ параграфъ сужденіе о ея положеніи и пр., забываетъ связь его съ основнымъ положеніемъ, которая заключается собственно въ опущенныхъ знаменательныхъ выраженіяхъ: „однако“ и „хотя“... (и далѣе г. Яблоновскій приводитъ

свою общую характеристику Киевской Академіи, изложенную на стр. 2 его сочиненія см. Kwartalnik... стр. 551—552). Намъ казалось и кажется, что наша критико-библіографическая замѣтка о сочиненіи г. Яблоновскаго менѣе всего можетъ быть упрекаема въ придиркѣ къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ автора и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подозрѣваема въ намѣренномъ искаженіи, или измѣненіи основной идеи его сочиненія. Въ своей критико-библіографической замѣткѣ мы разсматривали и оцѣнивали главнѣйшія мысли и сужденія польскаго историка Киевской Академіи, а не отдѣльныя неточныя выраженія и фактическія ошибки, которыхъ его трудъ далеко не чуждъ и которыя мы постараемся, по крайней мѣрѣ, отчасти указать ниже. Что же касается основной мысли его сочиненія, то, сколько намъ кажется и теперь, она понята нами совершенно правильно, безъ всякаго преувеличенія посредствомъ употребленія „абсолютныхъ“ выраженій.

Прежде всего, вполне согласно съ нами понята основная идея г. Яблоновскаго А. и другими русскими историками, въ томъ числѣ и специалистами предмета, какъ это выяснилось во время дебатовъ, происходившихъ по поводу нашего доклада о сочиненіи г. Яблоновскаго А. въ двухъ кievскихъ ученыхъ историческихъ обществахъ. Съ другой стороны, сколько бы польскій историкъ Киевской Академіи теперь ни старался смягчить, или ослабить основную идею своего сочиненія, ссылаясь на союзы: „atoli“ и „naprawdę“, это ни чуть не поможетъ дѣлу. Основная идея его сочиненія совершенно ясно и опредѣленно усматривается уже въ самомъ фактѣ посвященія имъ своей исторіи Киевской Академіи „almae matri Jagellonicae“, по поводу полутысячелѣтняго юбилея Краковскаго Ягеллоновскаго университета, какъ это нами было обстоятельно выяснено выше. Наконецъ, въ своемъ отвѣтѣ на нашу критико-библіографическую замѣтку, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его, польскій историкъ

Кіевской Академіи не только не отказывается отъ основной идеи своего сочиненія въ томъ видѣ, какъ мы ее поняли и формулировали, но еще болѣе усиливаетъ; такъ, напр., на стр. 554 онъ „рѣшительно“ (stanowczo) настаиваетъ на томъ, что Кіевская Академія, даже въ теченіе первыхъ лѣтъ своего существованія, когда она еще была нѣкоторое время братскою „едино-словенскою“ школою, была „польскимъ учебнымъ заведеніемъ не только по внѣшнему своему устройству, но даже и „по духу и характеру своему“; или на стр. 557 онъ говоритъ, напр., слѣдующее: „она (т. е. Кіевская Академія) прививала ту (т. е. польскую) культуру среди своихъ питомцевъ, распространяла ее чрезъ нихъ, какъ бы само собою, въ силу неизбежной необходимости, совершенно не стремясь къ тому“. На примѣрѣ этихъ послѣднихъ словъ польскаго историка Кіевской Академіи, читатели сами могутъ представить, какъ, дѣйствительно, трудно не только понять, но даже и уловить подлинную мысль его. Выходить, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто такъ, что Кіевская Академія „прививала“ и „распространяла“ польскую культуру среди своихъ питомцевъ (чего ужъ никакъ нельзя было бы сказать, если бы только признавать Кіевскую Академію просто посредницею между восточною и западною культурою), и въ то же время эта „прививка“ и это „распространеніе“ польской культуры было „самопроизвольнымъ“, вытекавшимъ изъ неизбежной необходимости (что уже прямо подходитъ къ посредническому только значенію Кіевской Академіи). Мы надѣемся, что изъ дальнѣйшаго разбора возраженій г. Яблоновскаго А. противъ нашей критико-библіографической замѣтки о его сочиненіи еще болѣе выяснится основная идея этого послѣдняго.

IV. Въ непосредственно слѣдующемъ возраженіи польскій историкъ Кіевской Академіи со всею настойчивостію и рѣшительностію утверждаетъ именно ту мысль, что Кіевская Академія была польскимъ учебнымъ учрежденіемъ „по духу

и характеру своему“. Эту свою мысль онъ подкрѣпляетъ въ данномъ мѣстѣ двумя доказательствами: а) онъ ссылается на извѣстную уже намъ, разобранную и разъясненную въ истинномъ видѣ, однородность школьныхъ порядковъ въ Кіевской Академіи и латино-польскихъ коллегіяхъ и б) пытается доказать, что Кіевская Академія „была связана сильнѣйшими нравственными узами съ Рѣчью Посполитою, понимаемою въ смыслѣ не правительства польскаго, а „цѣлаго тогочаснаго политически-народнаго общества, обнимавашаго всѣ этнографическія вѣтви (odłamy) сплнсно сплоченнаго въ себѣ руководящаго класса“, настолько сильнѣйшими узами, что она оказывалась „образцовымъ произведеніемъ (wytworem), „продуктомъ внутренней жизни ея—такимъ же необходимымъ, такимъ же неизбѣжнымъ, какъ и коллегіи иныхъ взаимно борющихся тогда въ ея лонѣ исповѣданій“ (см. Kwartalnik... стр. 554—555 и слѣд.).

Не останавливаясь въ данномъ случаѣ на первомъ доказательствѣ, которое мы уже разбирали, переходимъ прямо ко второму. По смыслу этого послѣдняго доказательства, Кіевская Академія была естественнымъ, „необходимымъ“, „неизбѣжнымъ“ произведеніемъ и притомъ образцовымъ произведеніемъ внутренней жизни польскаго общества. Какъ бы забывая о своихъ условныхъ выраженіяхъ и союзахъ: „atoli“ и „naprawdę“, г. Яблоновскій говоритъ здѣсь въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: „что же касается того, что, будто бы, тѣ черты, именно русскій характеръ и православіе имѣли обезначить Кіевской Академіи „продолжительную цвѣтущую, славную будущность“, то даже въ той степени, въ какой она, дѣйствительно, осуществилась, не имъ то должно приписать, но тому началу (zaszyrowi) западной культуры, какое вложилъ въ ея основу устроитель (twórca) ея“, и далѣе: *„тутъ дѣло идетъ уже не о томъ, что она имѣла быть единственно только посредницею этой культуры; чтобы сдѣлаться таковою,*

нужно было ей самой до основанія проникнуться этою культурою“ (Kwartalnik. . стр. 559—560).

Мысль польскаго историка Кіевской Академіи о томъ, что Кіевская Академія была образцовымъ произведеніемъ польскаго общественнаго организма, продуктомъ латино-польской культуры, всецѣло проникнутымъ духомъ этой последней, представляется намъ и должна представляться для всякаго знакомаго съ исторіею нашей Академіи чистымъ недоразумѣніемъ. Намъ кажется, что источникъ этого недоразумѣнія кроется въ неправильномъ, или неточномъ употребленіи г. Яблоновскимъ А. терминовъ: „цивилизациа“ и „культура“. Польскій историкъ Кіевской Академіи чрезвычайно широко и часто пользуется этими двумя выраженіями, употребляя ихъ въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ. Отсюда, кажется, и происходитъ то, что Кіевская Академія является у него то продуктомъ латино-польской культуры, всецѣло, до основанія проникнутымъ ея духомъ, то только посредницею между западною и восточною культурою.

Въ виду особенной важности, какую имѣетъ для правильнаго рѣшенія вопроса о характерѣ и историческомъ значеніи Кіевской Академіи точное опредѣленіе понятій „цивилизациа“ и „культура“, мы позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній относительно этихъ понятій. Въ обыкновенномъ словоупотребленіи эти два выраженія большею частію имѣютъ у насъ синонимическое значеніе. Но специалисты — филологи и историки — различаютъ понятія: „культура“ и „цивилизациа“. Подъ именемъ „культуры“ обыкновенно разумѣютъ область матеріальнаго и соціальнаго развитія отдѣльнаго народа или цѣлыхъ группъ человѣчества (пища, одежда, жилища, условія семейнаго, родового и общественно-государственнаго быта); „цивилизациа“ же обнимаетъ, кромѣ матеріальнаго и соціальнаго, еще и всю широкую область собственно духовнаго развитія человѣчества (языкъ, наука, искусство и религія).

Но въ какомъ бы смыслѣ мы ни употребляли словъ: „культура“ и „цивилизациа“, мы должны всегда помнить, что во всякой фактической, исторической, конкретной „культуры“ и „цивилизациі“ есть двѣ стороны: идеальная и реальная, форма и содержаніе. Особенно твердо должно помнить объ этомъ различіи между формальною и реальною сторонами „культуры“ и „цивилизациі“, когда мы сравниваемъ между собою двѣ какія-либо историческія „культуры“ и „цивилизациі“, или когда говоримъ о вліяніи одной „культуры“ и „цивилизациі“ на другую. Бывало и бываетъ въ исторіи такъ, что двѣ „культуры“ и „цивилизациі“ очень сходны между собою въ формальномъ отношеніи, между тѣмъ какъ по содержанію своему онѣ существенно различаются между собою.

Намъ кажется, что г. Яблоновскій А. въ своемъ трудѣ, посвященномъ исторіи Кіевской Академіи, выпустилъ изъ виду указанное нами сейчасъ различіе между формальною и реальною сторонами человѣческой „культуры“ и „цивилизациі“. Отсюда и получилось у него крупное недоразумѣніе съ пониманіемъ дѣйствительнаго отношенія между западною (латино-польскою) и восточною (православно-русскою) „культурою“ и „цивилизациею“ вообще и, въ частности, идеи основанія и существованія Кіевской Академіи, значенія этой послѣдней для русскаго народа. Намъ кажется, что когда онъ рисуетъ „величественную“ картину воинственнаго похода латино-польской „культуры“ и „цивилизациі“, ея „широкаго“, „неотразимаго“ и „могущественнаго“ распространенія въ Западной Россіи, то и онъ самъ и мы должны понимать его рѣчи въ смыслѣ именно формальнаго вліянія латино-польской культуры на русскую народность, а никакъ не реальнаго. То же самое должно сказать, въ частности, и о всѣхъ его разсужденіяхъ по вопросу о значеніи Кіевской Академіи въ исторіи взаимныхъ отношеній между польскимъ и русскимъ народами, между латино-польскою и православно-русскою куль-

турою. И здѣсь можетъ быть рѣчь только о формальномъ, но никакъ не о реальномъ вліяніи латинно-польской культуры. Но неужели на этомъ основаніи мы имѣемъ право считать и признавать Кіевскую Академію единственно только посредницею между западною и восточною культурою, съ отрицаніемъ за нею всякой самостоятельности и всякой оригинальности? Въ такомъ случаѣ, т. е. если мы будемъ сравнивать различныя „культуры“ и „цивилизациі“ только со стороны формальной, внѣшней, то мы должны будемъ, оставаясь вполнѣ послѣдовательными, признать и самую польскую „культуру“ и „цивилизацию“, признать не-самостоятельною и не-оригинальною; тогда, вѣроятно, придется и всякую вообще новѣйшую западно-европейскую „культуру“ и „цивилизацию“ признать тоже не-самостоятельною и не-оригинальною, такъ какъ и „нѣмецкая“ и „французская“ и всякая другая западно-европейская „культура“ и „цивилизациа“ выросла на почвѣ классической, греко-римской „культуры“ и „цивилизациі“.

Въ самомъ дѣлѣ, примѣнимъ ту же самую мѣрку, какою измѣряетъ г. Яблоновскій А. степень самостоятельности и оригинальности русской культуры вообще и, въ частности, ея представительницы въ XVII—XVIII вв.—Кіевской Академіи, къ польскимъ того временнымъ школамъ—академіямъ и коллегіямъ. Самъ г. Яблонскій А. соглашается съ тѣмъ, что всѣ эти школы были устроены по образцамъ, заимствованнымъ поляками изъ Западной Европы, но только приспособленнымъ ими къ своимъ національнымъ—временнымъ и мѣстнымъ потребностямъ. Въ чемъ же, спросимъ мы, состояло это преобразование, въ чемъ заключался самобытный, національный характеръ польскихъ академій и коллегій въ XVII и XVIII вв.? Господствующимъ языкомъ въ нихъ былъ латинскій, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и языкомъ науки, особенно богословской; учебныя пособія и руководства въ нихъ были тоже латинскія, цѣликомъ взятые со стороны; школьныя порядки были всецѣло западно-европейскіе; методъ преподава-

нія—чисто схоластическій, цѣликомъ заимствованный поляками со стороны.

Такимъ образомъ, если мы будемъ имѣть въ виду одну только формальную, внѣшнюю сторону человѣческой „культуры“ и „цивилизаци“, то мы должны будемъ отвергнуть всякую культурную самостоятельность и оригинальность, прежде всего, за польскими учебными учрежденіями XVII и XVIII вв.—академіями и коллегіями. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи между ними и Кіевскою Академіею нѣтъ никакого различія: какъ тѣ, такъ и другія въ формальномъ отношеніи были представителями „латинскаго“, западно-европейскаго образованія, выросшаго на почвѣ классической цивилизациі.

Если же мы обратимъ вниманіе на реальную сторону, на самое содержаніе той „культуры и „цивилизаци“, представительницею которой является въ дѣйствительной исторіи Кіевская Академія, то мы безъ труда можемъ указать, въ чемъ заключалась „самостоятельность“ и „оригинальность“ нашей Академіи. Кіевская Академія была школою *православною* и *русскою* по своему внутреннему духу и характеру. Въ этомъ отношеніи Кіевская Академія, какъ намъ кажется, была даже болѣе „самостоятельною“ и „оригинальною“, чѣмъ сами польскія академіи и коллегіи, которыя, благодаря тому, что онѣ были католическими, даже и по духу и по внутреннему характеру ничѣмъ почти не отличались отъ „латинскихъ“ вообще, западно-европейскихъ академій и коллегій. Между тѣмъ о Кіевской Академіи этого никакъ нельзя уже сказать. Кіевская Академія и ея профессора и питомцы дѣйствительно, пользовались латино-польскою „культурною“ и „цивилизациею“, но только не содержаніемъ ея, а формою внѣшней обработкою (культура = *colo*), усовершенствованными элементами общечеловѣческаго и, въ частности, западно-европейскаго развитія и образованія. Они цѣнили „латинское“ образованіе, „латинскую мудрость“ не столько сам,

по себѣ, сколько какъ средство для усовершенствованія элементовъ самобытнаго развитія. Они заимствовали у поляковъ и другихъ западно-европейскихъ образованныхъ народовъ формальныя средства „культуры“ и „цивилизаци“, перерабатывали ихъ, по возможности, самостоятельно и въ такомъ переработанномъ видѣ пользовались образованіемъ, какъ средствомъ, для защиты основныхъ элементовъ самобытной культуры—вѣры и народности русской. Въ подтвержденіе такого нашего пониманія факта отношенія Кіевской Академіи и ея профессоровъ и учениковъ въ XVII и XVIII в.в. къ латинно-польской и вообще западно-европейской „культуре“ и „цивилизаци“ мы ссылаемся на вышеприведенныя нами сужденія по этому вопросу лучшихъ представителей Кіевской Академіи XVII в., а именно: Захаріи Копыстенскаго, Силвестра Коссова и Лазаря Барановича. А вотъ не менѣ замѣчательное свидѣтельство представителя Кіевской Академіи XVIII в.—ея ученика, учителя, префекта и ректора—Оеофана Прокоповича. Мы ни мало не удивляемся, что въ своей характеристикѣ Оеофана Прокоповича, какъ чловека (см. Akademia Kijowsko-Mohilan'ska... стр. 197) и какъ профессора богословія (см. тамъ же стр. 211—212) польскій историкъ Кіевской Академіи съ такою экспрессіей отъпнваетъ почти одни только отрицательныя качества. Оеофанъ Прокоповичъ былъ убѣжденнымъ противникомъ слѣпнаго преклоненія предъ „латинскою мудростію“, предъ латинно-польскою культурою. Онъ рѣзко осуждалъ латинно-польское формальное направленіе академической науки и всѣ усилія употреблялъ съ своей стороны къ тому, чтобы освободить науку и всю вообще жизнь Академіи отъ „латинской схоластики“, съ которою онъ былъ прекрасно и опытно знакомъ. Оставляя Академію Кіевскую, онъ давалъ совѣтъ ея профессорамъ „не идти только по дорогѣ, протоптанной другими учеными, но слѣдовать самостоятельнымъ научнымъ воззрѣніямъ, которыя, рождая солидную ученость, образуютъ знато-

ковъ, а не торгашей науки. Такого рода самостоятельныя научныя воззрѣнія никогда не стыдились являться предъ обществомъ, и просвѣщенному міру уже опротивѣла до тошноты (если можно такъ выразиться) та наука, которая не истекаетъ изъ первоначальныхъ источниковъ, но капля по каплю въ испорченномъ видѣ течетъ сквозь пожелтѣвшую бумагу изъ болотъ неискусныхъ потѣшныхъ учителей (*скомороховъ—ludi-magistorum*) и не оставляетъ въ умахъ человѣческихъ ничего, кромѣ глупаго убѣжденія въ собственной мудрости, какого-то мрака, сновидѣнія и призрачности“ (См. Труды Кіев. дух. Акад. 1865 г., т. I, стр. 158 ср. Д. Вишневецаго. Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія. К. 1903, стр. 280). Вотъ какъ на самомъ дѣлѣ цѣнили и любили „латинскую мудрость“, „латино-польскую культуру“ въ Кіевской Академіи въ XVIII в.! Примѣровъ подобной оцѣнки и подобной любви къ ней со стороны представителей Кіевской Академіи можно было бы привести много; но мы полагаемъ, что для нашей цѣли вполне достаточно и тѣхъ, какіе мы привели.

Свои разсужденія о взаимномъ отношеніи между православно-русскою и латино-польскою культурами позволяемъ себѣ заключить слѣдующимъ замѣчаніемъ. Сущность, природа извѣстной культуры и ея отличіе отъ всякой другой культуры должны быть познаваемы не по тѣмъ вѣршнимъ блестящимъ и мелкимъ проявленіямъ, какими культура выражается въ политикѣ, сношеніяхъ политическихъ дѣятелей и т. п. *формальныхъ* своихъ качествахъ, но по идеаламъ, какими живетъ народъ, носитель культуры и какіе бываютъ открыты въ самой глубинѣ народнаго духа, находя для себя яркое выраженіе въ произведеніяхъ культуры, создающихся трудами лучшихъ избранниковъ народа и нерѣдко цѣлыми вѣками. Судить и дѣлать заключенія о культурѣ человѣческой по однимъ только *формальнымъ* проявленіямъ—все равно, что судить о жизни моря по однимъ только водне-

ніямъ его, происходящимъ во время бури. Какъ дѣйствительная жизнь моря скрывается въ глубинахъ его водъ, такъ и истинная сущность культуры человѣческой скрывается въ идеалахъ, которыми живетъ тотъ или другой народъ, въ самомъ духѣ и внутреннемъ характерѣ его.

Если мы эту точку зрѣнія приложимъ къ трактуемому нами предмету, то со всею очевидностію убѣдимся въ томъ, что тогда какъ латвино-польская и православно-русская культуры совершенно отличны одна отъ другой, культура русскаго народа, независимо отъ раздѣленія его на великоруссовъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ, въ сущности своей одна и та же, различаясь только чисто внѣшними, *формальными* проявленіями.

Въ частности, въ доказательство того, что въ XVII и XVIII в.в. не было культурнаго разъединенія между сѣверо-восточною и юго-западною Русью и Киевская Академія не поддерживала сепаратизма на югѣ Россіи, какъ то утверждаетъ г. Яблоновскій А., мы ссылаемся на два выдающихся памятника—одинъ *историческій* и другой *агіографическій*, оносящихся, по своему происхожденію, къ XVII и XVIII в.в. Подъ историческимъ памятникомъ разумѣемъ *Синописисъ*. Синописисъ въ первый разъ явился въ 1674 году и съ того времени до 1761 года переиздавался до 25 разъ, а въ XVIII в. его напечатала даже Академія Наукъ. Такое широкое распространеніе и рѣдкую популярность пріобрѣлъ этотъ историческій трудъ, бывшій у насъ долгое время, по словамъ митрополита Евгенія Болховитина, единственною учебною книгою по исторіи Россіи. И замѣчательно, что такую популярность Синописисъ пользовался на сѣверѣ и на югѣ Россіи и, быть можетъ, на сѣверѣ Россіи даже большею, чѣмъ на югѣ. Уже по одному этому можно заключить, что Синописису чужды идеи сепаратизма. Знакомство съ содержаніемъ Синописиса можетъ вполне убѣдить насъ въ этомъ. Замѣтимъ, что для насъ не тайна тѣ серьезные недостатки, которые свойственны

Синопису, особенно легендарность и баснословіе его, бывшія прямымъ слѣдствіемъ зависимости составителя (или составителей) этого памятника отъ польскихъ средневѣковыхъ хронистовъ. Но для насъ важно не это скудное, легендарное, или прямо искаженное содержаніе памятника, а его „главная идея, которую можно опредѣлить, какъ *православную и вѣрнѣе національную*“. Такъ опредѣляетъ ее даже самъ Милюковъ. (См. его „Главные теченія русской исторической мысли“. М. 1898 года т. I, стр. 17). У автора Синописа (содержаніе его, приписываемое обыкновенно Иннокентію Гизелю, заимствовано главнымъ образомъ изъ хроники игумена Михайловскаго монастыря Оеодосія Сафоновича) рѣшительно незамѣтно никакого стремленія къ разграниченію между *русскими* и *россійскими* народами, на чемъ такъ настаиваетъ г. Яблоновскій А. Напротивъ, составитель Синописа, видимо, одушевленъ былъ любовію къ русскому народу, который онъ представляетъ единымъ и цѣлымъ, особеннымъ народомъ, когда, напр., говоритъ о „преславномъ верховномъ и *всего народа російскаго главною градъ Кіевъ*“ (см. Кіевскій Синописъ... изданіе второе Кіевское исправлѣнное 1823 г., стр. 13), или когда съ такимъ сочувствіемъ отзывается о Москвѣ, какъ „богоспасаемомъ градѣ, который величествомъ славы престола княженія, отъ Владиміра града пренесеннаго, *прославися*, и прародительное въ немъ имя Москвы въ народѣ російскомъ обновися. . отъ силы въ силу и отъ славы въ славу преспѣвая, на высочайшій степень самодержавнаго царствія востече и... *яко солнце по вселеннѣй просвѣтися и паче иныхъ сіяетъ*“ (см. тамъ же, стр. 11—12), или, наконецъ, когда противопоставляетъ польскому народу—„*русскій, или свойственнѣе російскій народъ*“ (стр. 6), *польскихъ лѣтописцевъ—„россійскимъ“* (стр. 7) и т. д. и т. д. При этомъ мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Пыпинымъ въ томъ, будто Синописъ „ничего не знаетъ о сѣверо-восточной Руси“ (см. его „Исторію русской литературы, т. II. СПб. 1898 г., стр. 484). Напро-

тивъ, авторъ Синописиса обнаруживаетъ совершенно ясное, даже удивительное для своего времени правильное знаніе исторіи сѣверо-восточной Руси, когда на стр. 11—12 даетъ, правда, слишкомъ краткій, но за то вполне точный и съ дѣйствительностію совершенно согласный очеркъ начала и возвышенія Москвы. Правда, Синописисъ „митрополію переноситъ изъ Кіева прямо въ Москву“; но эта ошибка должна быть объясняема не незнаніемъ исторіи сѣверо-восточной Руси, какъ думаетъ г. Пыпинъ, но тѣмъ, что авторъ Синописиса пользовался въ данномъ случаѣ источникомъ, содержавшимъ въ себѣ невѣрное свидѣніе, по которому выходитъ, что митрополія русская была перенесена изъ Кіева прямо въ Москву и притомъ *въ 1283 году*, что, разумѣется, совершенно невѣрно. Наконецъ, вообще нельзя сказать, чтобы Синописисъ давалъ мало мѣста исторіи сѣверо-восточной Руси, такъ какъ одному только событію—Куликовской битвѣ—отводится въ немъ 40 страницъ, т. е. болѣе $\frac{1}{4}$ всего содержанія книги, которая,—чего никогда не слѣдуетъ забывать,—была назначена для изображенія преимущественно исторіи Кіева и южной Руси.

Тенерь, зная основную идею и содержаніе Синописиса, который—кто бы ни былъ его дѣйствительнымъ авторомъ—могъ быть составленъ только при ближайшемъ участіи кіевскихъ коллегіатовъ, мы можемъ спросить г. Яблоновскаго А., даетъ ли Синописисъ хоть какое-либо основаніе для подтвержденія его мысли, что Кіевская Академія была только посредницею въ распространеніи латино-польской культуры на Русь и имѣла только то значеніе для русской народности, что поддерживала южно-русскій сепаратизмъ?

Подъ *агиографическимъ* памятникомъ мы разумѣмъ Четыи Минеи св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, напечатанныя въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. Объ этомъ памятникѣ мы и раньше упоминали, какъ о такомъ *безсмертномъ* произведеніи, которое создавалось въ теченіе

многихъ десятилѣтій и въ созданіи котораго принимала живое и непосредственное участіе Кіевская Коллегія Академія XVII—XVIII в.в. Какъ и Синописисъ, Четьи Миней св. Димитрія Ростовскаго выдержали уже множество изданій и доселѣ составляютъ самое любимое, послѣ евангелія, чтеніе нашего народа (см. у Пыпина. Цитов. соч. т. II, стр. 410). Составленная въ южной Россіи, эта книга получила наибольшее распространеніе въ сѣверо-восточной. Дополняя свои рассказы о святыхъ свѣдѣніями, заимствованными изъ трудовъ западно-европейскихъ (напр., Acta Sanctorum Болландистовъ и Vitae Sanctorum Сурія), св. Димитрій основывалъ свой монументальный трудъ преимущественно на греческихъ и *стѣерно-русскихъ* памятникахъ православной агиографической литературы (Симеона Метафраста, митрополита Макарія Московскаго и др.). Поэтому, Четьи Миней св. Димитрія Ростовскаго представляютъ трудъ *не только строго православный, но и влиять съ тѣмъ чисто русскій*. Оттого русскій народъ такъ и полюбилъ Четьи Миней св. Димитрія Ростовскаго. Идеалы, возрѣнія, убѣжденія, какія изображаются въ Четьихъ Минеяхъ на примѣрахъ святыхъ, совершенно и вполнѣ совпадаютъ съ идеями, возрѣніями и убѣжденіями православно-русскаго народа. Читая житія святыхъ, православно-русскіе люди созерцали, какъ человѣкъ борется съ зломъ и побѣждаетъ его, какъ оставляетъ свои заблужденія и является непреодолимымъ исповѣдникомъ истины, какъ въ подвигахъ самообладанія, терпѣнія и мужества обнаруживаются знаменія сверхъестественной силъ Божіей. Вотъ, напр., мученикъ, который, не смотря на все убѣжденія мучителей, на страшныя орудія и картины казни не смотря на всѣ приманки утонченной языческой роскоши мужественно говоритъ: „я христіанинъ“ и идетъ на мученія. Не эти ли образы мучениковъ и великихъ подвижниковъ воспитывали въ русскихъ православныхъ людяхъ то мужество и терпѣніе, съ какими онъ переносилъ вся

страданія, испытанія и даже мученія за свою *православную русскую* вѣру? А чьята житія святыхъ русской церкви въ творенія св. Димитрія Ростовскаго, русскій челоуѣкъ видѣлъ, какъ его предки терпѣніемъ, смиреніемъ, мужествомъ и кровію своею создавали великое русское государство, предъ его умственнымъ взоромъ, какъ свѣтила на сводѣ небесномъ, проходили образы св. Владимира, св. св. Антонія и Феодосія и другихъ печерскихъ угодниковъ, св. Александра Невскаго, св. св. митрополитовъ Петра, Алексія, Іоны и многихъ, многихъ другихъ подвижниковъ русской земли. И не этими ли образами святыхъ русской церкви воспитывался въ русскихъ православныхъ людяхъ духъ глубочайшей любви къ своей родинѣ, изумляющій иностранцевъ? И можно ли,—повторяемъ еще разъ,—можно ли Кіевскую Академію, создавшую для русскаго народа такую великую и дорогую книгу, считать единственно только разсадницею латино-польской культуры на Руси и очагомъ сепаратизма въ южной Россіи?

V. Въ своей критико-библіографической замѣткѣ о трудѣ г. Яблоновскаго А мы, въ доказательство „самостоятельности“ и „оригинальности“ Кіевской Академіи, ссылались, между прочимъ, на тотъ общепризнанный историческій фактъ, что всякій „институтъ, будетъ ли то политическій, общественный, государственный, культурный, не имѣющій самостоятельнаго, оригинальнаго основанія, опоры, фундамента, не можетъ долго существовать; онъ будетъ расти, даже процвѣтать, но только болѣе или менѣе короткое время и притомъ при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, а затѣмъ его необходимо постигнетъ смерть“. Между тѣмъ какъ Кіевская Академія имѣла совершенно иную судьбу... Г. Яблоновскій А. въ своемъ отвѣтѣ на нашу критико-библіографическую замѣтку, по поводу приведенной сейчасъ нашей ссылки, пишетъ слѣдующее: „а между тѣмъ въ дѣйствительности такъ и случилось: Академія Могилянская, какъ высшій научный институтъ, вслѣдствіе недостатка самостоятельности, сама постепенно

угасала и въ сущности угасла, быть можетъ, прежде, чѣмъ была окончательно упразднена (rozważana). Возникшая въ оставшихся послѣ нея стѣнахъ нынѣшняя „Духовная Академія“ совсѣмъ не есть какое-либо продолженіе (kontynuacja) ея, но есть институтъ иного характера, совершенно отличнаго, болѣе опредѣленнаго, спеціальнаго, не латинско-польскаго уже, или мѣстнаго малорусскаго, но исключительно російскаго, какъ въ Москвѣ или въ Казани. Конечно, вольно, даже въ силу многихъ соображеній необходимо связывать нынѣшнюю Духовную Академію съ традиціею той Могиланской—но только не считать ее серьезно за дѣйствительное продолженіе той“ (Kwartalnik... стр. 557).

Итакъ, выходитъ, съ точки зрѣнія польскаго историка Кіевской Академіи, что нынѣшняя Кіевская Духовная Академія получила въ наслѣдство отъ старой—Могилано-Заборовской—Кіевской Академіи однѣ только каменные стѣны и... больше ничего. По поводу этого въ высшей степени страннаго сужденія г. Яблоновскаго А., мы считаемъ позволительнымъ ограничиться однимъ только замѣчаніемъ, что оно, кромѣ неправильнаго пониманія духа и характера старой Кіевской Академіи, обнаруживаетъ въ польскомъ историкѣ ея еще совершенное незнакомство съ сущностію духовно-учебной реформы въ Россіи, совершившейся въ 1808 г., а Кіевской Академіи коснувшейся въ 1817/8 гг. Реформа эта была подготовлена цѣлымъ рядомъ менѣе важныхъ преобразованій въ строѣ и жизни Кіевской Академіи, имѣвшихъ мѣсто въ XVIII в., такъ что реформа 1817/8 гг. не сопровождалась существенною ломкою учебно-воспитательнаго строя въ Кіевской Академіи. Даже латинскій языкъ послѣ этой реформы оставался въ теченіе нѣкотораго времени языкомъ преподаванія, по крайней мѣрѣ, богословскихъ наукъ въ Кіевской Духовной Академіи. Но во всякомъ случаѣ характерно и замѣчательно представленіе польскаго историка Кіевской Академіи объ отношеніи нынѣшней Академіи къ старой! Незнакомые съ дѣломъ читатели польскаго журнала

могутъ, пожалуй, серьезно подумать, на основаніи разсужденій и умозаключеній г. Яблоновскаго А., что Кіевская Академія до 1800 г. имѣла бѣольшую связь и внутреннее сродство съ латино-польскими академіями и коллегіями, существовавшими въ предѣлахъ польско-литовскаго государства, нежели съ нынѣшнюю Кіевскою Духовною Академіею, существующею въ ея стѣнахъ. Вотъ къ какимъ выводамъ можно придти, увлекшись извѣстною идеею!

VI. Доказывая свою мысль о томъ, что Кіевская Академія была „самостоятельною“ и „оригинальною“ школою и, какъ таковая, занимала совершенно особенное мѣсто въ ряду высшихъ учебныхъ учреждений—академій и коллегій, существовавшихъ въ Польшѣ, мы ссылались, притомъ на основаніи словъ самаго польскаго историка Кіевской Академіи (см. *Akademia Kijowsko-Mohilan'ska...* стр. 92—93), на тотъ очевидный и несомнѣнный фактъ, что польскіе политики XVII в. боялись Кіевской Академіи, какъ именно „неуніатской Академіи, которая могла сдѣлаться очагомъ культурной схизмы и русскаго сепаратизма (отщепенства)“ (*dyzunicka akademie*—сказано въ оригиналѣ—*któraby się stac' mogła zarzewiem cywilizacyinem schyzmy i odrębnos'ci ruskiej*), а потому не желали давать ей правъ и возможности развиваться и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ показывали, что они „чувствовали и видѣли въ ней великую „анти-польскую, русскую и православную силу“...

Вотъ что теперь въ своемъ отвѣтѣ на нашу критико-библіографическую замѣтку пишетъ, по поводу приведенной сейчасъ ссылки. г. Яблоновскій А.: „академія могилянская представляла силу анти-польскую! о чудо“!—воскликаетъ онъ. „Но. не было болѣе благонадежнаго въ *политическомъ* отношеніи учебнаго института въ Рѣчи Посполитой, чѣмъ эта высшая школа Могилы. Удерживала она характеръ, какой придалъ ей создатель ея, даже до послѣдней минуты, даже до послѣдняго юридическаго отпаденія Кіева. А кто знаетъ, можетъ быть, *польскія симпатіи политическія*

продолжали существовать въ ней даже до Полтавы (т. е. Полтавской битвы 1709 г.). Ибо если кто, то именно ея питомцы искренно держались пароля: „на ляховъ кричимъ, но съ ляхами будемъ“ („Akademia mohilan'ska przedstawiała siłę antypolską!—o dziwy“!—говорится въ оригиналѣ. „Ależ nie było więcej prawomyslniej pod względem politycznym instytucji naukowej w Rplciej nad ową szkołę wyższą Mohiły. Utrzymała ona charakter, przez swego twórcę jej nadany, aż do ostatniej chwili, aż do ostatecznego, jurydycznego odpadnięcia Kijowa; a kto wie, czy żywe polskie sympatyje jej polityczne nie przetrwały aż do Połtawy. Bo jeśli kto, to jej wychowan'cy podnosili szczerze hasło: „na Lachów huc'no a z Lachami bud'no“! Kwartalnik... стр. 558)... Далѣе г. Яблоновскій А. подробно разсуждаетъ о *польскихъ политическихъ симпатіяхъ* Кіевской Академіи, ея руководителей и питомцевъ, причемъ показываетъ и конкретные примѣры подобной симпатіи въ лицѣ самого митроп. Петра Могилы, митроп. Сильвестра Коссова, митроп. Варлаама Ясинскаго, о которомъ, въ частности, говоритъ, будто бы онъ „уже послѣ Андрушова (т. е. Андрусовскаго договора между Россією и Польшею) высылалъ тайнаго своего агента до новоябраннаго короля Михаила“ (стр. 560), митроп. Іоасафа Кроковскаго, который, будто бы, „прежде чѣмъ принужденъ былъ провозгласить анагему на Мазепу, сначала благословилъ его“ (см. стр. 559), митроп. Рафаила Заборовскаго, который, будто бы, былъ по отцу католикомъ“ и т. д. и т. д. (см. Kwartalnik... стр. 558—559).

Обратимъ вниманіе сначала на мысль польскаго историка Кіевской Академіи, сейчасъ нами приведенную, а затѣмъ уже перейдемъ къ разсмотрѣнію историческихъ фактовъ, на которыхъ онъ обосновываетъ ее. Вѣроятно, читатели и сами могли замѣтить, что въ данномъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы съ г. Яблоновскимъ А. говоримъ о совершенно различныхъ вещахъ; отсюда естественно

происходить и противорѣчіе, непониманіе другъ друга. Дѣло въ томъ, что когда мы говоримъ, что польскіе политики XVII в. чувствовали и видѣли въ Кіевской Академіи „силу анти-польскую, русскую и православную“, то имѣемъ исключительно только „культурное“ значеніе Кіевской Академіи, рассматриваемъ эту послѣднюю какъ „очагъ культурной схизмы и русскаго сепаратизма“ (припомнимъ, что это подлинныя слова г. Яблоновскаго А.), какъ представи-тельница восточной, греко-русской, православной культуры, разумѣя эту послѣднюю не только въ формальномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи. А г. Яблоновскій А., съ такимъ эффектомъ заявившій въ началѣ, что онъ „не позволяетъ себѣ поддаваться никакимъ соблазнамъ современности, или какой-либо политики“ (Kwartalnik... стр. 550), сразу переводитъ рѣчь на чисто *политическую* точку зрѣнія, рассматривая Кіевскую Академію, какъ самый благонадежный въ *политическомъ* отношеніи учебный институтъ Речи Посполитой, розыскивая въ Кіевской Академіи живыя *политическія* симпатіи въ Польшѣ и т. д. и т. д. Не споримъ, что какъ среди высшей южнорусской іерархіи XVII в., такъ и среди питомцевъ Кіевской Академіи того же времени могли быть отдѣльныя лица, сочувствовавшія въ *политическомъ* отношеніи болѣе Польшѣ, нежели Москвѣ; но мы рѣшительно не можемъ понять того, какое собственно отношеніе имѣеть это къ предмету нашей рѣчи. Сколько бы ни сочувствовали въ *политическомъ* отношеніи Польшѣ митрополиты Кіевскіе—Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ (относительно польскихъ *политическихъ* симпатій Варлаама Ясинскаго, Іосафа Кроковскаго и Рафаила Заборовскаго мы сильно сомнѣваемся, о чемъ будетъ рѣчь ниже) и др. лица изъ высшей іерархіи южно-русской XVII в., но все-таки они продолжали оставаться *греко-русскими іерархами, носителями и представителями восточной, православно-русской „культуры“*, столь ненавистой для поляковъ. А, съ

другой стороны, сколько бы эти южно-русскіе греко-русскіе іерархи XVII в., сочувствовавшіе Подышѣ въ *политическомъ* отношеніи,—сколько бы они ни ухаживали, ни льстили польскому правительству, это послѣднее, какъ я вся вообще Рѣчь Посполитая (на своихъ сеймахъ) ни за что не согласились бы признать ихъ *своими*, вполнѣ уравнивать ихъ съ представителями высшей католической іерархіи. Почему, въ самомъ дѣлѣ, Рѣчь Посполитая не захотѣла этого сдѣлать? Почему Сильвестръ Коссовъ, который, какъ говоритъ г. Яблоновскій А., былъ всецѣло сторонникомъ польской *политики* въ Западной Руси, не получилъ кресла въ Варшавскомъ сенатѣ на ряду съ католическими бискупами? Не потому ли единственно, что онъ, при всѣхъ его живыхъ *политическихъ* симпатіяхъ къ Подышѣ, оставался „*схизматическимъ*“, *греко-русскимъ*, *неуніатскимъ*, *православнымъ* митрополитомъ? Наконецъ, если ужъ говорить о *политическихъ* симпатіяхъ, то мы не должны забывать и того, что въ XVII в. среди южно-русской интеллигенціи (козацкой старшины) и даже отчасти іерархіи были лица, сочувствовавшіи не Москвѣ, или Подышѣ, но татарскому Крыму. И неужели же безпристрастный историкъ станетъ на этомъ основаніи доказывать, что Кіевская Академія въ XVII в. была посредницею между *русскою* и *турецкою* (татарскою) культурою?... А между тѣмъ, по логикѣ г. Яблоновскаго А., это вполнѣ возможно...

Теперь переходимъ къ разбору тѣхъ фактовъ, на которые г. Яблоновскій А. ссылается въ доказательство своей мысли, что живыя симпатіи *политическія* къ Подышѣ не умерли въ Кіевской Академіи даже до Полтавской битвы. Остановимъ свое вниманіе особенно на двухъ фактахъ, приводимыхъ польскимъ историкомъ Кіевской Академіи.

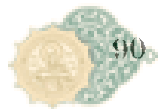
О митроп. Варлаамѣ Ясинскомъ онъ говоритъ, будто бы, онъ „уже послѣ Андрушова“ высылалъ своего тайнаго агента къ новоизбранному королю Михаилу“ (Kwartalnik...

стр. 860). Но во 1) намъ рѣшительно неизвѣстенъ фактъ тайныхъ сношеній между Кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ и польскимъ королемъ Михаиломъ. Ни въ печатной, ни въ рукописной литературѣ, которая изучена нами болѣе или менѣе тщательно, мы не встрѣчали никакихъ указаній на фактъ, на который намекаетъ г. Яблоновскій А. А во-2-хъ) намъ кажется, что подобнаго факта и не могло быть, въ виду его явнаго анахронизма. Дѣло въ томъ, что Михаилъ Вишневецкій, котораго, видимо, подразумѣваетъ въ данномъ мѣстѣ г. Яблоновскій А., былъ избранъ королемъ въ 1669 г., а *Варлаамъ Ясинскій* сдѣлался Кіевскимъ митрополитомъ только въ 1690 г., когда короля Михаила уже не было и въ живыхъ.

Относительно митрополита Іоасафа Кроковскаго г. Яблоновскій и въ своемъ отвѣтѣ на нашу критико-библіографическую замѣтку и въ своей исторіи Кіевской Академіи рассказываетъ нѣчто еще болѣе странное и прямо невѣрное. По его словамъ, митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, будто бы, „прежде чѣмъ провозгласить анашему на Мазепу, благословилъ его“ (Kwartalnik, стр. 559). Къ сожалѣнію, г. Яблоновскій А. не указываетъ источника, откуда онъ позаимствовалъ этотъ фактъ. Въ нашей русской исторической литературѣ, сколько она намъ извѣстна, нѣтъ никакихъ данныхъ въ пользу этого факта. Не есть ли это собственное предположеніе г. Яблоновскаго А., сдѣланное имъ на основаніи неправильно представляемой имъ исторіи послѣднихъ дней жизни и обстоятельствъ смерти его? Вотъ какъ онъ передаетъ эту исторію въ своей книгѣ: „отъ 1707—18 г. онъ (т. е. Іоасафъ Кроковскій) исполнялъ, въ самое тяжелое для Заднѣпровья время, высокія обязанности Кіевскаго митрополита, въ каковое достоинство онъ былъ возведенъ при поддержкѣ Мазепы. Однако же не могъ онъ совершенно освободиться отъ подозрѣній въ политической неблагонадежности и въ 1718 г., будучи низложенъ, онъ былъ осужденъ на изгна-

ніе въ Тверь, гдѣ вскорѣ и окончилъ свою жизнь. (См. Akademia Kijowsko-Mohilan'ska... стр. 192). Вѣроятно, такая, *созданная фантазією г. Яблоновскаго А.*, судьба митрополита Іоасафа Кроковскаго и дала ему основаніе придумать фактъ благословенія митроп. Іоасафомъ гетмана Мазепы, задумавшаго измѣну Россіи.

Въ виду того, что въ иностранной (въ „Сводной Галичско-Русской Лѣтописи“ А. С. Петрушевича сказано, что „митроп. Іосифъ (sic) Кроковскій скончался *самоубійствомъ* въ Твери 1718 года 12 іюля н. с. см. ч. 1-я, стр. 79) и въ русской литературѣ (недавно еще у насъ было высказано мнѣніе о томъ что митроп. Іоасафъ Кроковскій былъ вызванъ въ С.-Петербургъ по дѣлу великаго пожара, бывшаго въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ 1718 г.) существуютъ совершенно превратныя сужденія о „*политическихъ убѣжденіяхъ*“ и обстоятельствахъ кончины митроп. Іоасафа Кроковскаго, мы позволяемъ себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ въ объясненіе этого факта. Исторія не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній о симпатіяхъ или антипатіяхъ митроп. Іоасафа Кроковскаго къ Польшѣ. Извѣстно только то, что онъ былъ глубоко образованный и благочестивый іерархъ, дѣятельно управлявшій Кіевскою митрополіею, употреблявшій все зависѣвшія отъ него мѣры къ тому, чтобы облегчать тяжелое положеніе своей заграничной православной паствы, сильно страдавшей тогда въ Польшѣ, поддерживать *православнаго* и вмѣстѣ *русскаго* кандидата на Луцкую архіерейскую кафедру и, по избраніи его (Кирилла Шумлянскаго), посвятилъ его въ санъ Луцкаго епископа, энергично протестовалъ противъ изгнанія этого православнаго епископа изъ Луцка и слѣдовавшаго затѣмъ превращенія Луцкой православной епархіи на унію, наконецъ, энергично защищалъ православныхъ Вѣлоруссовъ, которыхъ также преслѣдовали тогда въ Польшѣ. Такимъ образомъ, архипастырская дѣятельность митроп. Іоасафа Кроковскаго не можетъ давать

историку никакого основанія для рѣчей о подозрительности къ нему со стороны русскаго правительства въ политической благонадежности.

Подлинная же исторія послѣднихъ дней жизни и кончины митрон. Іоасафа Кроковскаго такова. 16 мая 1718 г. царевичъ Алексѣй Петровичъ на допросѣ, между прочимъ, показалъ, что „также и архіерей Кіевской знаемъ“ ему и что онъ писалъ письмо „Кіевскому архіерею“. Слѣдствіемъ этого показанія, отъ котораго потомъ царевичъ отрекся, какъ измысленнаго имъ, было то, что 19 мая изъ Петербурга былъ посланъ въ Кіевъ гвардіи капитанъ Богданъ Скорняковъ-Писаревъ съ Высочайшимъ приказомъ забрать всѣ бумаги Кіевскаго Митрополита Іоасафа Кроковскаго, равно какъ и его самого и Кіево-Печерскаго архимандрита Іоанникія Сенкотовича, котораго царевичъ Алексѣй Петровичъ также оговорилъ, привезти въ С.-Петербургъ. 3 іюня 1718 г. капитанъ Скорняковъ-Писаревъ былъ уже въ Кіевѣ и въ 2 ч. ночи произвелъ обыскъ въ домѣ, гдѣ жилъ митрополитъ Іоасафъ. Этотъ послѣдній, будучи тогда уже 70-лѣтнимъ старцемъ, былъ къ тому же тяжело боленъ и, вслѣдствіе опухоли ногъ, не выходилъ даже въ церковь. Митрон. Іоасафъ сталъ умолять не везти его въ столицу, такъ какъ чувствовалъ, что не перенесетъ далекаго и тяжкаго путешествія туда. Больной архипастыръ былъ освидѣтельствованъ медикомъ, причемъ у него, кромѣ отека ногъ, оказалась еще застарѣлая желудочная болѣзнь. Кіевскія власти, видимо, тоже просили Скорнякова-Писарева не брать съ собою больного митрополита. Капитанъ сначала колебался, но потомъ, видимо, утѣшился царскаго гнѣва и отвѣтственности за неисполненіе царскаго указа и рѣшился везти съ собою больного митрополита и Кіево-Печерскаго архимандрита. 6 іюня они выѣхали изъ Кіева. 12 іюня они пріѣхали въ Чѣвскъ и остановились здѣсь, такъ какъ больной архипастыръ сильно утомился. 23 іюня путники были

въ Москвѣ. Здѣсь митроп. Іоасафа Кроковскаго освидѣтельствовали доктора и нашли, что онъ настолько боленъ и слабъ, что рѣшительно не можетъ ѣхать дадше. Но на другой день доктора объявили, что престарѣлому митрополиту, быть можетъ, отъ данныхъ ему лѣкарствъ сдѣлалось значительно лучше, такъ что онъ можетъ продолжать путь, но только не быстро и съ остановками. 28 іюня путники выѣхали изъ Москвы, а 1 іюля они были уже въ Тверь. Сюда митрополитъ Іоасафъ доѣхалъ еле живой и тотчасъ же по пріѣздѣ пожелалъ исповѣдаться и пріобщиться св. Тайнъ, а ночью въ тотъ же день онъ и скончался. Между тѣмъ 5 іюля императоръ Петръ I, еще ничего не знавшій о смерти митроп. Іоасафа Кроковскаго въ Твери, далъ приказъ, „Кіевского архіерея и Печерскаго архимандрита освободить и съ дороги отпустить ихъ паки въ Кіевъ“, потому что царевичъ Алексѣй Петровичъ самъ сознался, что онъ совершенно напрасно оговорилъ ихъ (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1861 г., кн. III-я, ч II-я, стр. 1—374. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, по свидѣтельствамъ вновь открытымъ, разсужденіе М. П. Погодина, и самые документы по дѣлу царевича, найденные Г. В. Есиповымъ; на стр. 190—201: документы о Кіевскомъ митрополитѣ Іоасафѣ Кроковскомъ). Вотъ подлинная исторія факта, который въ такомъ превратномъ видѣ представленъ въ сочиненіи г. Яблоновскаго А., составленномъ, по его словамъ, прежде всего и исключительно на основаніи „русскихъ“ и „россійскихъ“ источниковъ.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что подобныхъ извращеній и вообще фактическихъ ошибокъ въ исторіи Кіевской Академіи г. Яблоновскаго А. немало. Достаточно ихъ отмѣтилъ г. Харламповичъ К. въ статьѣ, помѣщенной въ „Кіевской Старинѣ“. Поэтому, мы не останавливались на нихъ въ прежней критико-библіографической замѣткѣ, равно какъ не

намѣрены и теперь спеціально заниматься этимъ. Не можемъ, впрочемъ, не отмѣтить здѣсь слѣдующаго курьезнаго недосмотра въ книгѣ г. Яблоновскаго А. Между 130—131 страницами у него помѣщенъ портретъ *іерарха въ бѣломъ клобукѣ и съ панагією архіерейскою*; подъ портретомъ стоитъ польская подпись: „*Innocenty Gizel archimandryta Pieczarski*“. Но этотъ портретъ не принадлежитъ и не можетъ принадлежать Иннокентію Гизелю, который былъ только архимандритомъ Печерскимъ и потому не могъ носить ни бѣлаго клобука, ни архіерейской панагіи. Чѣмъ объяснить такой недосмотръ польскаго историка Кіевской Академіи, пользовавшагося „русскими“ и „россійскими“ источниками, мы не можемъ сказать!

VII. Наибольшая часть отвѣта г. Яблонскаго А. на нашу критико-библіографическую замѣтку о его работѣ (*Kwartalnik...* стр. 561 и особенно 563—585) занята разсужденіями польскаго историка Кіевской Академіи по поводу высказанныхъ нами въ той замѣткѣ соображеній по вопросу о томъ, въ чемъ собственно заключался „русскій“ характеръ и духъ Кіевской Академіи. „Теперь мы дошли“,—пишетъ онъ,—„до того пункта, въ которомъ становится необходимымъ разговоръ (*rozprawienie*) съ моимъ противникомъ о чемъ-то иномъ, о предметѣ, быть можетъ, самомъ важномъ. Доселѣ мы употребляли выраженія: „Русь, русскій народъ, народъ (*lud*), русское общество, даже русскій языкъ и вообще эпитетъ „*ruski*“ (*russkij*), употребляемый имъ, или повторяемый въ цитатахъ моей работы, не касаясь почти нигдѣ придаваемого имъ самимъ этому эпитету значенія. Впрочемъ, я предупредилъ во вступленіи о „всерусскомъ“ (*wzechruskim*), „россійскомъ“ его положеніи вообще, но при раскрытіи самаго содержанія трактуемаго предмета я не останавливался нарочито затѣмъ, чтобы всякій разъ показывать дѣйствительное пониманіе сущности употребляемыхъ имъ выраженій. Бы-

вало то иногда, быть можетъ, нужнымъ, необходимымъ, но обременяло бы теченіе рѣчи излишнимъ балластомъ разъясненій. Однакоже необходимо разъяснить это (wypada z tem już wypłynąć na czystą wodę). Мы должны начать съ предупрежденія незнакомыхъ съ дѣломъ и съ напоянанія знающимъ, что нѣтъ въ свѣтѣ ничего болѣе эластичнаго, ничего болѣе растяжимаго, менѣе опредѣленнаго, чѣмъ выраженіе, эштитъ въ русскомъ языкѣ (w języku rosyjskim)—„русскій“ и его разновидности. Имъ можно маневрировать, какъ флюгеромъ (chorągiewka). И такое маневрированіе служить теперь просто модою, болѣзнію и, къ несчастію, кажется, неизлѣчимою, которая забавляетъ *политиковъ съверху*, но серьезныхъ историковъ и этнографовъ приводитъ въ отчаяніе. Эштитомъ „русскій“ („ruszkij“) можно обнять все безъ различія: и цѣлый кругъ народовъ, народовъ русскихъ, составляющій вмѣстѣ съ тѣмъ особенное этническое собраніе народовъ восточной вѣтви славянскаго племени, равно какъ и каждый изъ этихъ народовъ въ особенности. Посему, встрѣчая это выраженіе, этотъ терминъ въ россійской письменности (w piśmie rosyjskim), разумѣй его себѣ, какъ хочешь, какъ тебѣ сподобитѣ, впрочемъ, насколько додумаешься, насколько изслѣдуешь. А смотри внимательно, ибо и у Суздаля и у Перемышля—„русские“ („ruskije“). Уполномочиваетъ, будто бы, до такого растяженія этого термина еще и то, что „россияне“, не принявши для себя названія существительнаго, переносятъ свое прилагательное (имя) и на „русиновъ“, не вездѣ притомъ признающихъ это предвѣчное (sic) названіе. Но насъ мало касается то, какъ тамъ себѣ поступаютъ (radzą) въ россійской письменности и въ россійской рѣчи; мы будемъ говорить прежде всего о самихъ себѣ въ этомъ отношеніи. По-россійски наше выраженіе: „ruszki“ и его разновидности переводятъ чрезъ „русскій“ („ruszkij“)—безъ всякаго вообще объясненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ;

чрезъ что навязываютъ намъ часто мнѣнія, какія намъ и не снились, которыхъ мы не можемъ признать. Между тѣмъ терминъ „russki“ у насъ и „russkij“ у россіянъ—совершенно не синонимы, но скорѣе уже противоположенія. И насколько не поможетъ въ томъ предлагаемая ассимиляція. Слѣдовательно, и въ томъ моемъ послѣднемъ сужденіи о народномъ характерѣ могилинской коллегіи выраженіе, что она была „сверхъ того и русская, даже русская по преимуществу“ и проч., переведенное по-россійски на „русскую“ (коллегію), даетъ предубѣжденному читателю ошибочное представленіе, будто бы, я въ народномъ характерѣ той коллегіи-академіи видѣлъ что-то „все-русское“ (wszechrusskiego), ставящее ее, въ отношеніи народности, на одну линію съ нынѣшнюю, исключительно уже россійскую, духовную Кіевскую Академію, неразличающуюся въ этомъ отношеніи отъ Московской и пр. До какой степени противникъ мой стоитъ на почвѣ все-русской (wszechrusskim), россійской, съ особенною очевидностію свидѣтельствуешь объ этомъ совершенно равнодушное (bierne) отношеніе его къ извѣстному безмѣрно важному вопросу, касающемуся также народнаго характера Кіевской Академіи. А этому вопросу я посвятилъ столько мѣста въ параграфѣ подъ заглавіемъ: „Значеніе въ ней малоруссизмы“ (waga w niej małoruszczyzny), затрогивающимъ его до глубины, достигающимъ, какъ мнѣ кажется, до самаго основанія (sedna). Правда, онъ приводитъ общее заключеніе того параграфа, но самъ совершенно не высказываетъ своего мнѣнія о предметѣ (развѣ, быть можетъ, *раздражающемъ*), предваряя его замѣчаніемъ: „что касается Малороссіи, Украины, то и здѣсь авторъ не признаетъ за Кіевскою Коллегіею никакого значенія“, и цитуетъ мое сужденіе, выраженное въ томъ заключеніи, которое (сужденіе) однакоже говоритъ какъ разъ о другомъ... и далѣе г. Яблоновскій приводитъ свое разсужденіе о значеніи Кіевской Ака-

демія въ отношеніи малорусскаго народа, уже извѣстное намъ (см. Kwartalnik... стр. 563—564 и слѣд.), дополняя его уже извѣстными нашимъ читателямъ, по существу, соображеніями о разложеніи „русскаго общества“ въ Польшѣ, о неразвитости „русскаго“ языка и т. п. и т. п. (См. Kwartalnik... стр. 569—584).

Сознаемся, что мы, дѣйствительно, въ своей критико-библіографической замѣткѣ о сочиненіи г. Яблоновскаго А. обратили мало вниманія на его разсужденія о значеніи Кіевской Академіи для Малороссіи-Украины, т. е. не подвергли ихъ нарочитому критическому анализу, хотя сущность ихъ изложили безъ всякаго измѣненія. Сдѣлали это мы сознательно и вотъ почему. Всѣ разсужденія г. Яблоновскаго А., содержащіяся какъ въ его исторіи Кіевской Академіи, такъ и въ отвѣтѣ на нашу критико-библіографическую замѣтку объ этой исторіи,—разсужденія о значеніи Кіевской Академіи въ отношеніи къ Малороссіи-Украинѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ разсужденіями его о раздѣленіи между „россійскимъ“ и „русскимъ“ народомъ и т. п. предметами и вопросами, не имѣющими никакого отношенія, по нашему мнѣнію, къ серьезной, научной исторіи вообще и, въ частности, къ исторіи Кіевской Академіи. Пускаясь съ видимою любовью и даже страстностію въ разсужденіе объ этомъ „drażliwie“, какъ онъ самъ прекрасно и мѣтко выражается, предметъ, онъ погрѣшаетъ именно въ томъ, въ чемъ совершенно неосновательно упрекаетъ и подозрѣваетъ насъ, самъ вступаетъ и читателей своихъ вводитъ въ „безграничныя пространства“ „современности“, „политики“ и „публицистики“. На этомъ же основаніи оставляемъ *рѣшительно безъ всякаго вниманія и теперь всѣ эти разсужденія автора, какъ чисто публицистическія, неимѣющія никакого отношенія къ серьезной, истинной исторіи*. Намъ, быть можетъ, замѣтить, что нельзя же отнимать право публицистики

у историка. Да, скажемъ словами покойнаго нашего профессора И. И. Малышевскаго, „отнимать право публициста у историка было бы не только несправедливо, но и прискорбно. Это значило бы подрывать значеніе самой исторіи, призванной вести насъ къ самопознанію. *Публицистика въ историкѣ роняетъ свою цѣну тогда, когда она выступаетъ въ немъ не какъ непосредственный выводъ изъ самостоятельнаго изображенія явленій прошлаго, а какъ предвзятое поученіе, формулируемое на искусственномъ подборѣ фактовъ и припировъ изъ прошлаго*“. (См. рецензію его на „Исторію русской церкви“ проф. Е. Годубинскаго т. I, стр. 166). Но такова именно и есть публицистика г. Яблоновскаго А., содержащаяся въ его исторіи Киевской Академіи—публицистика „тенденціозная“, „раздражающая“, пренятствующая правильному уясненію предмета, лишенная всякаго фактическаго основанія.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ у него факты изъ XVII—XVIII вв., говорящіе о раздѣленіи между „русскимъ“ и „россійскимъ“ народомъ? Не видимъ ли мы, наоборотъ, въ XVII—XVIII в.в. ясныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ полнаго „культурнаго“ единенія между южною и сѣвѣрною Русью (вспомнимъ здѣсь сказанное нами раньше о Синописѣ и Четьихъ Минейхъ св. Димитрія Ростовскаго)? Не есть ли это разграниченіе плодъ новѣйшихъ историковъ-публицистовъ? Вѣдь, на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на какихъ устанавливаютъ нѣкоторые раздѣленіе между „русскимъ“ и „россійскимъ“ народомъ, можно было бы, пожалуй, доказывать „особность“ и „отдѣльность“ мазуровъ, малополяковъ и велико-поляковъ. На томъ же самомъ основаніи можно было бы говорить объ „особности“ и „отдѣльности“, какъ народа, и различныхъ вѣтвей германскаго народа.

Такимъ же публицистическимъ духомъ вѣетъ и отъ всѣхъ разсужденій польскаго историка Киевской Академіи о „раз-

витіи русскаго общества въ Польшѣ въ XVI—XVII в. в., о „неспособности къ развитію“ русскаго языка, представлявшаго будто бы „амальгаму“, „конгломератъ славяничины съ польщиизною“ и т. п. Раявъ г. Яблоновскому А. неизвѣстно, что исторію создаетъ не одно только интеллигентное общество“, а весь народъ во всей своей цѣлокупности? Или развѣ всѣхъ тѣхъ чертъ, какими онъ характеризуетъ „русскую интеллигенцію“ XVII в. въ Польшѣ, нельзя примѣнить и къ польской интеллигенціи того же времени, къ польской шляхтѣ, которая была слишкомъ себялюбива, своекорыстна, чтобы жертвовать въ пользу интересовъ своего народа и государства своими мелкими сословными интересами?

Чтобы не быть заподозреннымъ въ преувеличеніи, или „тенденціозности“, мы ссылаемся въ данномъ случаѣ на польскаго историка М. Бобжинскаго, у котораго есть немало блестящихъ страницъ, посвященныхъ характеристикѣ польской шляхты и вообще „польской культуры“, такъ превозносимой г. Яблоновскимъ А., свободно разливавшейся, по его словамъ, по обширнымъ пространствамъ Западной Руси. Вотъ какъ говоритъ о томъ же самомъ предметѣ Бобжинскій: „во всякомъ случаѣ козацкій вопросъ въ новомъ своемъ видѣ требовалъ со стороны Польши энергичной, послѣдовательной, рѣшительной дѣятельности, *какой не допускала тогдашняя организація Речи Посполитой*. Образовались въ Польшѣ двѣ партіи, одна перевѣшивающая, потому что заключала въ себѣ почти всю массу шляхты, *которая со вѣкомъ неистовствомъ бросалась на взбунтовавшіюся чернь*,—она только такъ представляла *козакъ*ь,—партія, которая, стремясь какъ можно скорѣе достигнуть возвращенія своихъ помѣстій на Украинѣ, захваченныхъ хлопамъ, стремилась проложить себѣ путь мечемъ, партія, которая не знала состраданія къ бунтовщикамъ. Во главѣ ея сталъ гордый князь Іеремія Вишневецкій, знаменитый,

но жестокий и страшный для народа воитель. Эта партия однимъ уже численнымъ своимъ перевѣсомъ понуждала правительство къ войнѣ, вела ее на свою отвѣтственность, и такъ десятками лѣтъ тянулись кровавыя распри съ козачествомъ, въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ не знали и не просили пощады. Однако величайшія старанія ни къ чему не годились, какъ только въ нихъ не было съ польской стороны постоянства и порядка. *Пошло неистовствѣ, съ какими шляхта бросалась въ козацкую войну, шляхта еще не отдышалась отъ своей анархіи.* Подати назначались скупо, или, что хуже, ихъ не выплачивали; войско, когда жалованье не выплачивалось въ срокъ, расходилось по домамъ; непосполитое рушеніе, непослушное и неповоротливое, не могло ни въ чемъ имѣть успѣха; *магнаты ни на минуте не позабывали взаимной зависти и постоянныхъ обидъ на короля; сеймы, какъ въ самыя мирныя времена, проходили въ ничтожныхъ ссорахъ,* а сеймъ 1652 года далъ первый устрашающій примѣръ *liberum veto...* (См М. Бобжинскій. Очеркъ исторіи Польши. Переводъ подъ редакціею проф. Карѣва. СІПБ. 1891 г., т. II стр. 199—200; ср. стр. 226, гдѣ польскій историкъ прямо называетъ *польское общество второй половины XVII в. „насквозь испорченнымъ и падшимъ“*). Или, наконецъ, развѣ неизвѣстно г. Яблоновскому А., что источникъ развитія и силы каждаго языка, въ томъ числѣ и „русскаго“, заключается въ живой рѣчи народа? Поэтому, если мы изъ XVI—XVII в.в. перейдемъ нѣсколько подальше, въ XIV—XV в.в., то развѣ мы не вправѣ тѣхъ самыхъ чертъ, какими онъ характеризуетъ „русскій“ языкъ XVII в., приложить и къ польскому языку, который въ свое время былъ не чѣмъ инымъ, какъ только „конгломератомъ“, „амальгамой“ славянщины, латынщины и элементовъ живой рѣчи?

Много можно было бы сказать и еще по всѣмъ этимъ вопросамъ, но все это, по нашему мнѣнію, не имѣетъ

прямаго отношенія къ истинной, серьезной научной исторіи Кіевской Академіи. Что же во всемъ этомъ вопросъ, возбужденномъ не нами, но г. Яблоновскимъ А., имѣетъ серьезное значеніе, нами подробно рассмотрѣно въ первой части настоящаго реферата (объ отношеніи Кіевской Академіи къ польско-латинской культурѣ со стороны языка).

Въ заключеніе всего считаемъ долгомъ своимъ и отъ себя выразить г. Яблоновскому А. признательность во 1) за корректный тонъ, съ какимъ онъ обсуждаетъ въ своемъ отыѣтѣ весьма живой и щекотливый вопросъ, и во 2) за его симпатичное предложеніе. Доволя до свѣдѣнія своихъ соотечественниковъ о томъ, что въ Кіевѣ по инициативѣ высокопреосвященнаго Дмитрія, архіепископа Казанскаго, бывшаго ректора нашей Академіи, приступаютъ къ изданію актовъ по исторіи Кіевской Академіи, онъ предлагаетъ и своимъ соплеменникамъ пойти на встрѣчу этому предложенію, поискать въ своихъ архивахъ, особенно фамилныхъ, документовъ, касающихся исторіи Кіевской Академіи, и напечатать ихъ въ виду приближающагося 300-лѣтняго юбилея Академіи. Весьма желательно было бы, чтобы это предложеніе г. Яблоновскаго А. было сочувственно принято его соотечественниками. Обнародованіе польскихъ документовъ несомнѣнно будетъ способствовать лучшему и полнѣйшему уясненію истиннаго характера и подлинной исторіи Кіевской Академіи. По нашему глубокому убѣжденію, сравнительный и вообще всесторонній методъ изученія предметовъ есть самый надежный и совершенный. Посему мы думаемъ, что даже и такія сочиненія, какъ г. Яблоновскаго А., при всей ихъ „тенденціозности“, могутъ принести свою пользу въ дѣлѣ изученія исторіи Кіевской Академіи. Такія сочиненія несомнѣнно побудятъ и нашихъ русскихъ истриковъ Кіевской Академіи обратить свое особенное вниманіе на уясненіе внутренняго характера и духа нашей Академіи, ея истиннаго великаго значенія для православія и русской народности. Мы признаемъ

за г. Яблоновскимъ А. одну несомнѣнную заслугу, именно ту, что онъ поставилъ цѣлый рядъ вопросовъ, мимо которыхъ не можетъ и не имѣетъ права молча пройти теперь ни одинъ будущій историкъ Кіевской Академіи. Въ этомъ именно смыслъ мы и назвали его историческій очеркъ Кіевской Академіи въ своей первой критико-библіографической замѣткѣ „Урокомъ съ Запада“.

Θ. Т.